

М. Г. Атаманов, *Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов. Научный доклад, представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1996.*

6 декабря 1996 г. на совете Д 064.44.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «10.02.07 — Финно-угорские и самодийские языки» при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации в виде научного доклада М. Г. Атамановым на тему «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов». Официальными оппонентами выступили профессора доктора филологических наук В. К. Кельмаков (Ижевск), Ю. В. Андуганов (Йошкар-Ола), Л. Ш. Арсланов (Елабуга).

Работа М. Г. Атаманова посвящена важнейшим комплексным вопросам языкознания и истории удмуртского народа. Хотя удмурты представляют собой один из древнейших насельников лесной полосы Восточной Европы и их история протекала относительно размеренно, без катаклизмов и «великих передвижений», многие вопросы, связанные с их происхождением, прародиной и древней историей, еще не до конца решены. Это обусловлено в первую очередь объективными причинами — скудостью, фрагментарностью и поздним характером ранней письменной фиксации сведений об удмуртах: первые упоминания о них в арабских источниках относятся лишь к IX—XII вв. (*Арса, Ару*), в русских же летописях — к XIII в. (*Вяда*). В этих условиях возрастает роль комплекса источников, связанных с а) лингвистическими методами исследования и б) археолого-антропологическими методами.

С привлечением первой группы методов и подходит М. Г. Атаманов, авторитетнейший специалист в области удмуртской и финно-угорской ономастики, к решению проблем этногонии удмуртов. Решая, казалось бы, специфичные и конкретные языковедческие задачи исследования топонимии на территории современного и былого проживания удмуртов («изучение исторических пластов в топонимии Удмуртии», «анализ географических названий удмуртского происхождения на территориях соседних

областей и республик Волго-Уральского региона» и «определение этноязыковых контактов и роли иноязычных элементов в формировании топонимической системы Удмуртии»), автор тем не менее во главу угла ставит более общую и глубокую цель — «выяснение границы древней этнической территории удмуртов» (с. 4). Для осуществления этой «сверхзадачи» он мастерски использует, помимо обилия собственно лингвистических материалов, добытых и обработанных как его предшественниками, так и им самим, сведения по археологии Удмуртского края (прекрасным знатоком которой он является), этнографии и фольклору удмуртов (к научной разработке которых он имел определенное отношение) и других народов Поволжско-Приуральского ареала, письменной истории удмуртов и т. д.

Работа М. Г. Атаманова построена, как и все его исследования, логично и целесообразно: «Введение» (с. 3—7), три главы (с. 7—49), «Заключение» (с. 49—52) и «Список публикаций» (с. 53—56). Она удачно завершается приложением карты региона (с. 57), иллюстрирующей современное расселение удмуртов, распространение этнопонимов *вотьяк, одо* и *ар* в сопоставлении с распространением ананьинской археологической культуры, принадлежавшей прапермскому населению.

Во «Введении» автор по традиции указывает на актуальность темы, цели и задачи исследования, степень изученности и научную новизну, практическую значимость, источники исследования, а также апробацию работы. Он пишет: «Решение вопросов *праязыка* (курсив мой — В. К.), праистории народа требует комплексного подхода ряда научных дисциплин...», в связи с чем «в работе использованы материалы, полученные археологами, этнографами, фольклористами, антропологами, историками, палеогеографами» (с. 4). Следует заметить: во-первых, вопросы [структуры] *праязыка* могут быть решены на основе исключительно лингвистических данных, а не каких-либо других (этнографических, антропологических, археологических и т. д.); во-вторых, эти проб-

лемы в докладе не решаются (да, собственно, и не ставились).

В самом начале I главы (с. 7—19), посвященной определению прародины и истории формирования этнической территории удмуртов, М. Г. Атаманов вводит читателя в перипетию весьма оживленного спора относительно местонахождения прародины удмуртов, который длится уже более чем два столетия и в котором приняли участие археологи, этнографы, историки, языковеды, просветители конца XIX — начала XX в. самого различного происхождения — русского, эстонского, немецкого, финского, татарского, удмуртского и др. Однако автор не указывает, в каких его трудах имеется обзор всех этих гипотез (что касается ссылки «(1993 : 3—5)» (с. 8), то такой работы не удалось найти в списке публикаций автора). Вообще следует заметить, что система ссылок недостаточно продумана.

Одной из приятных находок автора является второй раздел I главы — «Первоначальная этнотерритория (прародина) удмуртских племен по данному языку», где среди прочих материалов впервые в истории удмуртского языковедения удачно используется для этноисторических целей т.н. метод лингвистической палеонтологии — сопоставительный анализ распространения объектов фауны и флоры, с одной стороны, и наличия их наименований различного по древности происхождения в определенном языке, с другой. Правда, прием не совсем нов, ибо уже использовался учеными при определении прародины финно-угров (уральцев) (см. P. N a j d ú, Bevezetés az uráli nyelvtudományba. A magyar nyelv finnugor alapjai, Budapest 1966, с. 6—10; П. Х а й д у, Уральские языки и народы, Москва 1985, с. 145—160).

Автор приводит удмуртские названия таких растений (или их плодов), как *кыз* 'ель', *нылыпу* 'пихта', *липу* 'осина', *льъм* 'черемуха' (уральского происхождения), *пу-жым* 'сосна', *кызыпу* 'береза', *нинпу* 'липа', *тыты* 'дуб', *сирпу* 'вяз', *гузэмпу* 'жимолость', *бадълу* 'ива', *шупу* 'калина', *пашпу* 'орешник' (финно-угорского происхождения) и *лулпу* 'ольха', *уйпу* 'ветла', *сутэр* 'смородина', *эмезь* 'малина' (финно-пермского происхождения), а также наименования объектов фауны: *муш* 'пчела', *мый* 'бобр', *нйзь* 'соболь', удм. *Чӧжмер*, коми *чужмӧр* 'горноста́й', удм. *пужей*, коми *пеж* 'олень', удм. *гондыр* 'медведь', коми (фольк.) *гундыр* 'дра-

кон, гидра' и др. Правда, последнее сопоставление — удм. *гондыр* ~ коми *гундыр* — вызывает сомнения как в семантическом отношении ('медведь' ~ 'дракон, гидра'), так и в фонетическом (вполне закономерно вокалическое соответствие удм. *y* : коми *o*, а не наоборот — удм. *o* : коми *y*); к тому же К. Редди возводит удм. *гондыр* к сочетанию *gon* 'волос; шерсть' + *tj̄r* 'полный, полон', т.е. 'полон волос (шерсти), полностью (покрытый) шерстью', заменившему собой исконное название табуизированного животного (К. R é d e i, Szófejtések. — NyK 73 1971, с. 422—423).

Сопоставляя приведенные удмуртские наименования растений и объектов фауны с территорией их былого произрастания / обитания, докладчик очертил прародину удмуртов в пределах Волго-Камья. Причем эти данные удачно согласуются с выводами, сделанными автором на основе анализа распространения этнопонимов, связанных со словами *ар* (тюркское наименование удмуртов), *одо* (марийское название удмуртов) и *вотяк* (русский этноним для удмуртов), а также исследованиями археологов: судя по карте (с. 57), древняя этнотерритория удмуртов укладывается в границы ананьинской археологической культуры. Эти выводы докладчика являются естественной реакцией талантливого ученого на затянувшийся спор исследователей о границах прародины удмуртов.

Ядром научного доклада М. Г. Атаманова является II глава — «Исторические пласты удмуртской топонимии» (с. 19—36), в которой автор предлагает четко дифференцировать термины «топонимические пласты» как «целостные комплексы топонимов, возникших в процессе длительного проживания на данной территории определенных народов», с одной стороны, и «топонимические элементы, представляющие собой сравнительно редко встречающиеся иноязычные названия», с другой (с. 20). На основе этой дефиниции он выделяет прапермский, собственно удмуртский, русский пласты и далее угорские, самодийские, тюркские, марийские топонимические элементы.

К прапермскому топонимическому пласту (с. 20—22) докладчик — по-видимому, вполне справедливо — относит топонимы с элементами (топоосновами и/или топоформантами) *ва* 'вода; река', *л'ук* 'река', *ой* ~ *уй* ~ *уйо* ~ *уйы* ~ *ай* ? 'ручей' и др. Правда, не совсем понятно утверждение о том, что апеллатив *л'ук* восходит к праперм. **juk* > общеп.

**ju* 'река' (с. 21), ибо понятия «прапермский» и «общепермский» употребляются в пермистике, по моим представлениям, как синонимы, и, если речь идет о более древней форме в пределах прапермского / общепермского периода, то принято квалифицировать ее как раннепрапермскую / раннеобщепермскую.

К собственному удмуртскому пласту (с. 22—24) по вполне понятным причинам отнесены топонимы, образованные 1) от апеллятивов удмуртского происхождения (*ву* 'вода', *выр* 'холм', *сурд* 'березовая роща, березняк', *кузъылы* 'муравей', *беризь* 'липа' и др.); 2) от личных имен удмуртов; 3) с помощью воршудно-родовых наименований (около 9% от всех ойконимов Удмуртии составляют топонимы этого типа) и др.

Русский топонимический пласт (с. 26—27), который начал складываться с конца XVI века, состоит из названий как собственно русского происхождения, так и из гибридных удмуртско-русских форм типа *Курегово* < *курег* 'курица' + рус. -ово, *Сянино* < воршудное наименование *Сянья* + рус. -ино, *Дятлево* < калька с удм. *Сизьгурт* и др.

Далее докладчик подробно анализирует угорские (с. 30—32), самодийские (с. 32—33), марийские (с. 33—34) и тюркские (с. 34—36) вкрапления в топонимию Удмуртии, упоминая при этом исторические события, в результате (или на фоне) которых они могли возникнуть. Можно, наверно, поспорить по поводу отдельных топонимов, особенно тех, которые предположительно восходят к угорским и самодийским источникам, однако в целом создается впечатление, что разделы разработаны в научном отношении весьма квалифицированно.

Особый интерес представляет группа топонимов с топоформантами неизвестного происхождения, восходящими, по всей вероятности, к самостоятельным терминам, значение которых можно восстановить лишь путем специального лингвистического анализа (правда, автор дипломатически обошел вопрос о том, к какому пласту их отнести) (с. 24—26). Автор делает попытку расшифровать эти топоформанты на базе

1) индоевропейских языков: -*ман* (*Пажман*, *Пыжман*, *Альман*) < и.-е. *mano-*, *mani-* 'влажный, мокрый'; -*тан/-дан* (*Мултан*, *Сардан*, *Гыдан*) < и.-е., ср. осет. *дон* 'река, вода', авест. *dapu* 'река';

2) угорских языков: -*ым/-им/-ум/-ом* (*Зе-*

тым, *Позимь*, *Умшур*, *Омыгь*) < манс. -ум: -ур /-ыр (*Сундур*, *Солдыр*) < манс. ур 'гора, возвышенность: горный хребст';

3) самодийских языков: -*на/-ба* (*Дырна*, *Вужна*, *Бачум(ово)*, *Башур*, *Багурт*) < древнесам. *бу*, *би*, камас. *бйй* 'вода';

4) татарского языка: -*баш* (*Вурзибаш*, *Аргабаш*, *Чежебаш*) < тат. *баш* 'голова; глава; вершина; верховье, исток реки'.

Хотя отдельные топоформанты не получили в данной работе удовлетворительного объяснения (в частности, -*ма/-мо*, -*ич/-ыч* и др.), раздел является новым словом в удмуртском языкознании, ибо впервые именно в трудах М. Г. Атаманова эти загадочные топоформанты в комплексе стали объектом серьезного научного анализа.

Однако некоторые из приведенных в этом разделе топоформантов вызывают сомнения. Так, финно-пермские (с. 26) -*зи/-чи/-си*, преположительно имеющие параллель и в самодийских языках (нен. *сё* 'протока; река, вытекающая из озера'), докладчик сопоставляет с удм *сй* 'слои воды, льда' (с. 24). Это сближение наталкивается на препятствия как семантического (*сй* — это 'слои' вообще, а не только '...воды или льда'), так и фонетического характера (-*си* и *си* в удмуртском языке этимологически не могут быть соотнесены друг с другом, ибо признак палатальности / велярности в консонантизме пермских языков очень устойчив). В семантическом отношении также слишком проблематично возведение (даже под вопросом) топоформанта -*мыж/-мыш* к удм. *мыж* 'жертва', *мыж инты* 'дурное, плохое, нечистое место' (с. 25).

Трудоемкая работа проведена М. Г. Атамановым по выявлению удмуртских топонимов, рассеянных на обширной территории за пределами Удмуртской Республики — в Кировской, Пермской областях, в Республиках Татарстан, Марий Эл, Башкортостан и Чувашии; результаты ее освещены в III главе — «Удмуртские топонимы за пределами республики» (с. 36—49). При этом М. Г. Атаманов пользуется весьма простой и довольно эффективной методикой: удмуртское происхождение приписывается автором тому или иному топониму на рассматриваемой территории былого присутствия удмуртов в том случае, если в основе названия лежат

1) географические термины удмуртского языка: *кож* 'омут, залив' — поч. *Кожинский*; *печкёзь* 'мелколесье' — *Печкез*, *Печкезцы*,

Печкеш; кар. 'городище, город; гнездо' — речка *Кар*, поч. *Карский*, с. *Карино*, д. *Каринское*; кож 'омут, залив' — поч. *Кожинский*, поч. *Кожильский*; сик 'роща; смешанный лес небольших размеров' — речка *Сик*, д. *Сики*, *Сиковская*, *Сикуляевская* (*Сик*), *Сиковшина*; ардо 'трясина; окно в болоте' — речка *Ардо* (Кировская обл.), река *Ардо* (Марий Эл); тыло 'подлесок; подсека' и *шур* 'река' — речка *Тылашур* (Татарстан);

2) названия растений, животных, орудий труда, продуктов питания и др.: *льбм* 'черемуха' — речка *Лем*, поч. *Лемской*; *нйзь* 'соболь' — речка *Низевская*, д. *Низяна*; *сик-тан* 'кочедык' — поч. *Сиктановский*; *табань* 'лепешка, блин' — поч. *Табани* (Кировская обл.); *коньы* 'белка, белчий' — речка *Кони йылгасы*; *муй* ~ *мый* 'бобр' — речка *Муй йылгасы*; *камали* 'женское чресплетное украшение из серебряных монет' — речка *Камали инеше* (Татарстан); *муш* 'пчела, пчелиный' — речка *Мушка* (Марий Эл); *нуркан* 'вальдшнеп' — д. *Нурканово* (Башкортостан); *гондыр* 'медведь, медвежий' — речка *Гондыр*, н. п. *Большой Гондыр*, *Малый Гондыр*, *Верх-Гондыр* (Пермская обл.);

3) личные имена, фамилии удмуртского происхождения: *Пислэг* < *пислэг* 'синица' — д. *Пислегинская*, поч. *Пислегинской*, ключ *Пыслеговской*; *Шудэг* < *шуд* 'счастье' + *-эг* — д. *Шутег* (Кировская обл.), *Шудег* (Башкортостан); *Турек* ~ *Турег* < *тур* 'тетерев' + *-эк/-эг* — с. *Мари-Турек* (Марий Эл); *Ужег* — д. *Ужегово* (Пермская обл.);

4) этнонимы — иноязычные названия удмуртов и удмуртские наименования соседних народов: удм. *бигер* 'татарин, татарский' — речка *Бигер йылгасы*, ключ *Бигер чиммесэ*; удм. *пор* 'мариец, марийский' — речка *Поршур йылгасы* (Татарстан); тюрк. *ар* 'удмурт, удмуртский' — д. *Аркасси* (Чувашская Респ.), речка *Ар*, гора *Ар тауы* (Башкортостан); *вотяк* — д. *Вотякова*, *Вотинова*, *Вотскова*, *Вотяки* и др. (Пермская обл.);

5) воршудно-родовые названия (т.н. микроэтнонимы) удмуртов: *Кõпка* — д. *Копки*, *Копкинский*; *Коньга* — д. *Коньга*, *Коньги Малой*, *Коньги Каменный Ключ*, речка *Конга*, поч. *Конгинский* и др. (Кировская обл.), река *Конга*, д. *Конганур* (Марий Эл); *Турья* — д. *Старая Турья*; *Куарса* — н.п. *Нижняя Корса*, *Верхняя Корса*, *Смак-Корса*; *Зумья* — н.п. *Старая Юмья*, *Ошторма-Юмья*, *Верхняя Юмья*, *Старая Кня-Юмья*; *Кибья* — д.

Верхние Кибя-Кози, *Малые Кибя-Кози*; *Сюра* ~ *Чура* — н. п. *Малая Чура*, *Село-Чура* и др. (Татарстан); *Бõдья* — д. *Будья-Вараиш*; *Можга* — д. *Можга*; *Пельга* — д. *Пельга* (Башкортостан).

Исключительно богатый ономастический материал, в течение десятилетий собранный и тщательно проанализированный автором, несомненно подтверждает основную его тезис о прародине удмуртского народа: «...южная граница этнической территории древних удмуртов проходила несколько южнее линии городов Чебоксары — Казань — Уфа; западная — по реке Ветлуге (несколько восточнее), северная — по верховьям рек Камы, Вятки и до слияния рек Юг и Сухона; восточная граница жительства удмуртских родоплеменных групп, скорее всего, простиралась по линии с. Кулига (у истока Камы) — г. Оса — пос. Чернушка (в Пермск. обл.) до среднего течения р. Уфы и до ее впадения в р. Белую (северо-западные районы Башкирии) ... Именно на этой территории к III в. до н.э. ... сложился пяноборский союз племен, который послужил этническим ядром в формировании древнеудмуртской этноязыковой общности» (с. 49). Выводы М. Г. Атаманова внушают доверие и представляют огромный интерес как для языковедов-финно-угроведов, так и для всех специалистов, занимающихся изучением древней истории финно-угорских народов Поволжско-Приуральского региона.

Труды М. Г. Атаманова имеют не только научную, но и практическую ценность: его монографии и статьи используются на факультете удмуртской филологии Удмуртского государственного университета как учебные пособия по спецкурсу «Удмуртская ономастика» и на географическом факультете УдГУ — по спецкурсу «Топонимия Удмуртии», публикации применяются в преподавании курса «Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию», в дальнейшем они могут быть использованы при написании учебных пособий по исторической лексикологии удмуртского языка и древней истории удмуртского народа.

Те замечания, которые были сделаны при разборе глав научного доклада и их разделов, не носят принципиального характера и ни в коей мере не снижают общего высокого научного уровня работы.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)